

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© ЭО, 2004 г., № 3

Э. Г. Александренков

ТЕОРИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ? Часть 1

Цель статьи – разобраться в том, что понималось в прошлом и понимается сейчас под теорией в нашей науке, которую я буду называть привычным мне словом “этнография”. Зачем это нужно? Вот два положения, более 10 лет назад высказанные одновременно. В первом относительно североамериканской антропологии говорилось как о “давно уже отказавшейся от крупных теоретических обобщений”, утверждалось, что “советская этнография всегда особенно сильна была теоретической стороной своей деятельности”, и высказывалось глубокое убеждение “в существенном в этом отношении превосходстве нашей этнографии-этнологии над зарубежной антропологией”¹. И рядом другое: “наиболее успешно теоретические исследования проводятся именно в американской и отчасти английской и французской антропологии”; ...“подавляющая часть этнографических публикаций в нашей стране насквозь эмпирична, никаких широких и глубоких обобщений в них нет, не говоря уже о попытках выявить какие-либо закономерности”².

Наличие таких полярных суждений настораживает и побуждает к поискам объяснения. Можно предположить, что частично их противоположность вызвана разным пониманием того, что есть теория в этнографии. Для прояснения вопроса сделаем следующее: посмотрим, что понимается под теорией вне этнографии; будем искать прямые указания в отечественной этнографической литературе на этот счет либо определим содержание существующих у нас идей о теории в этнографии, реконструируя его из косвенных высказываний; выясним, что под теорией в этнографии (“этнологии” и “антропологии”) подразумевали и подразумевают зарубежные коллеги, а именно североамериканские, работы которых мне наиболее известны.

* * *

В “Словаре русского языка” С.И. Ожегова (1991 г.) рубрика “теория” выглядит так: “1. Учение, система научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления... 2. Совокупность обобщенных положений, образующих науку или раздел какой-н. науки, а также совокупность правил в области какого-н. мастерства... 3. Сложившееся у кого-н. мнение, суждение, взгляд на что- н.”³.

Философы тогда же давали более общее толкование термина: «...Система обобщенного достоверного знания о том или ином “фрагменте” действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих его объектов»⁴. В последующие 10 лет представление философов о теории несколько изменилось; в недавно вышедшей философской энциклопедии она определена следующим образом: “Теория – в широком смысле комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о зако-

номерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории”⁵.

Специалист в области методики науки отмечал, что “среди исследователей, занимающихся вопросами методологии науки, не существует единодушия в том, что понимать под научной теорией... Хотя никто не сомневается в том, какое значение имеет теория в историко-научном исследовании... существуют значительные трудности в определении степени теоретичности той или иной концепции”. Было сказано также, что подобная неопределенность в употреблении термина “теория” была свойственна “почти всем дисциплинам”⁶. В рамках разных подходов теорией считались язык науки, логическая структура, особые концептуальные средства, любое систематизированное знание⁷.

Предлагалось также различать теоретические знания и теорию. Согласно этой точке зрения, теории в строгом смысле слова включают лишь логически взаимосвязанные законы, в то время как теоретические знания содержат гипотезы различных уровней, допущения, ограничения, принципы, условия и т.д. В процессе познания из теоретических знаний могут сформироваться строгие теории⁸.

Понимание того, что такое теория, значительно упростилось у постмодернистов – у них она “стала трактоваться как культурный акт, свободно выбранная авторская позиция”⁹.

* * *

Посмотрим, как российские этнографы представляли себе теорию в своей науке на протяжении ее развития. Ю.В. Бромлей и С.А. Токарев считали, что в России в середине XIX в. “параллельно с огромным количественным ростом этнографического материала и с организационным оформлением [этнографии] как науки... происходило и теоретическое обоснование этой науки, принципиальное определение ее предмета и задач”. По их мнению, “первую попытку серьезного теоретического обоснования задач этнографии как науки дал Н.И. Надеждин”¹⁰. Несколько более критична оценка теоретической составляющей нашей науки того времени у Г.Е. Маркова: “Если не считать немногих предреволюционных исследований (прежде всего А.Н. Максимова, Д.Н. Анучина, Л.Я. Штернберга), все прочие публикации представляли собой главным образом описания...”¹¹.

Что же считалось теорией в складывающейся науке? Обратимся к статье Н.И. Надеждина 1846 г., которую ряд историков этнографии считает одним из первых теоретических обоснований этой науки. Надеждин отметил различие между накоплением фактов и наукой. По его мнению, “самая наука появляется только тогда, когда, во-первых, сбор материалов производится не небрежно и урывочно, ...но систематически, в порядке, связи и полноте, требуемых наукою; во-вторых, когда собранное, прежде нежели допустится в состав науки, проходит сквозь очистительное горнило строгой, разборчивой критики, с тем, чтоб всему определена была настоящая цена, подлинный смысл и надлежащее употребление”¹². Первой и главной задачей Надеждин считал определить “содержание этнографии как науки”. Другая задача – “предварительная разработка и очистка по правилам науки... эта так сказать *этнографическая критика*, особенно в применении к народности собственно русской”. Эта “критика” состояла в выявлении “нынешней бытности народа русского”¹³.

О возможности разной интерпретации собранных фактов речи не было. Не шла речь и о теории в этнографии или этнографических теориях, хотя Н.И. Надеждин употребил такой термин, как “теория литературы”. Ни слова не было сказано об “этнологии”.

В 1868 г. в России вышла книга, в которой работы российских исследователей ставились в контекст достижений мировой этнографии и антропологии. В ней явно обозначилось противопоставление “этнографии”, как “простого описания какой-нибудь стороны жизни того или другого человеческого племени” и “этнологии”, кото-

рая “стала строить из каждого вновь добытого этнографического материала организм науки о человеческих племенах в их отношении друг к другу и к местности”¹⁴. В разделе о происхождении человека упоминалась “теория Дарвина”.

Очевидно, что представление о “теориях”, так или иначе имеющих отношение к этнографии, стало складываться у отечественных этнографов по мере развития соответствующих идей за рубежом и знакомства наших исследователей с ними.

Одной из первых обобщающих работ о содержании нашей науки была обзорная статья Л.Я. Штернберга, опубликованная в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в 1904 г. В ней излагалась история науки и самого термина “этнография”. Среди различных мнений в этой связи было указано одно, представители которого, по словам Штернберга, “этнографию” заменяли “этнологией” или отводили первой роль литературы, а второй – науки. Сам Штернберг тогда считал, что “нет надобности... создавать рядом с этнографией этнологию”¹⁵. Среди “основных вопросов” этнографии он называл содержание и систему, методы наблюдения и обобщения. О теории речи не было.

В лекциях Н.Н. Харузина, изданных в начале XX в. (посмертно), высказывалось мнение, что “только после того, как этнография поставлена была в тесную связь с естественными науками, она получила возможность достигать прочных выводов и законов... Материал приводил к сравнению, которое в свою очередь вызывало обобщения... Таким образом, этнография постепенно перешла из так называемого эмпирического периода в период, называемый М. Мюллером теоретическим”¹⁶. Харузин был противником противопоставления этнологии этнографии. В таком случае, по его остроумному замечанию, пришлось бы “известное лицо, пока оно описывает один народ за другим, отмечает аналогичные явления у разных племен, группирует их – считать этнографом; но как только то же лицо начнет среди описанных им явлений устанавливать связь между причиной и следствием, связь общую для всех исследованных народностей – оно внезапно перестает быть этнографом и становится этнологом”¹⁷.

На страницах книги слово “теория” употреблено несколько раз (экономическая теория, патриархальная теория, теория естественного права, эволюционная теория)¹⁸. Очевидно, что автор использовал его как синоним словам “концепция” или “школа”. Рассуждений относительно того, что такое теория в этнографии, не было.

Вместе с тем один из рецензентов книги Харузина, Н.М. Могилянский, полагал, что автор предстал в ней как “ученый теоретик”. По мнению Могилянского, в первой части работы изложены “все руководящие идеи автора, весь тот теоретический багаж, с которым он вступает со второй части, посвященной материальной культуре, в область практического изучения и освещения явлений, составляющих задачу этнографического изучения”¹⁹. Что же Могилянский относил к “теоретическому багажу”? Определение границ и задач этнографии, выяснение ее положения среди смежных наук и ее методов, изложение истории этнографии. Могилянский был против смещения понятий “этнография”, “этнология” и “народоведение”. В его статье заметно уже достаточно интенсивное применение слова “теоретический” (помимо “багажа” – “положения”, “определения”, “ошибки”).

К началу XX в. у некоторых российских этнографов наблюдается разочарование в эволюционном объяснении картины развития человечества. Помимо этого их беспокоило, что, как писал А.Н. Максимов, они имели “перед собой не естественное развитие теорий в каком-нибудь определенном направлении, а непрерывную смену гипотез, легко возникающих и столь же легко гибнущих под ударами даже не особенно строгой критики”, когда вместо господствовавших прежде влиятельных школ “получилось столько самостоятельных направлений, сколько отдельных авторов”²⁰.

Приветствуя замеченное им внимание к глубокому изучению отдельных народов (речь шла прежде всего о работах североамериканских и английских коллег), Максимов заключил свою статью так: “Теоретическая обработка новых материалов отстала от их собирания, но и она придет сама собою, быть может, не в продолжитель-

ном будущем. Снова появятся широкие обобщающие работы, но построенные уже на ином более широком научном фундаменте, и этнография займет с честью подобающее ей место связующего звена между естествознанием и обществоведением²¹.

Ясно, что для автора термины “теория”, “гипотеза” и “школа” были синонимами. Присутствовала констатация возможности множественного объяснения накопленных этнографических материалов.

В марте 1916 г. на заседании Отделения этнографии ИРГО обсуждался доклад Н.М. Могилянского “Предмет и задачи этнографии”²². Высказывались разные мнения относительно соотношения этнографии с географией, этнологией, социологией, народоведением, фольклором и т.д. Речь о теории в этнографии или этнологии не шла, но просматривалось противопоставление описания науке. Л.Я. Штернберг все еще считал, что “не может быть двух наук – этнологии и этнографии; можно выбрать тот или другой термин”²³.

Итак, к концу XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. у российских этнографов сложилось представление, что в этнографии (или этнологии) есть теория, интенсифицировалось использование этого термина и слова “теоретический”. Предметом теории в этнографии были объявлены определение ее содержания, границ с другими науками, ее история и методы. Прямых рассуждений о том, что такое теория в нашей науке, не было. Под теорией подразумевалось обобщенное знание. Просматривалась синонимичность терминов “теория”, “гипотеза” и “школа”.

Положение с теорией в отечественной этнографии после 1917 г. по-разному оценивалось современниками и в наше время. С установлением советской власти в России, по мнению Г.Е. Маркова, “наряду с традиционными описательными работами стало появляться все большее число публикаций, громко заявлявших о настоятельной необходимости разработки теоретических, этнологических проблем”²⁴. Сходно писали и другие авторы: “1920-е годы были периодом, когда рост этнографических исследований сопровождался настойчивыми теоретическими поисками”²⁵.

О теоретических поисках вроде бы в 1920-е годы свидетельствовали попытки использовать для обозначения этнографической науки термин “этнология” вместо “этнография”. Примечательно, что среди сторонников этой точки зрения оказался и Л.Я. Штернберг, сделавший выбор в пользу первого. В статье “Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы” он дал краткий анализ состояния науки в Европе и США. В тексте его статьи встречаются такие термины, как “теоретики-этнологи”, “маститые теоретики”, “теоретическая работа”, “теории отдельных областей культуры”, “общие теории”, “теоретические построения” и др. Что касается России, то, несмотря на отмеченный Штернбергом “энтузиазм, живой интерес к этнографическим, антропологическим и археологическим исследованиям”, теоретические проблемы, по его мнению, “у нас совершенно не разрабатываются, и это, конечно, отражается на характере этнографических работ, для которых необходим широкий теоретический кругозор”²⁶.

Увлечение новым термином выразилось в том, что появился учебник “Курс этнологии”. Однако в нем не объяснялось, чем “этнология” отличалась от прежней “этнографии”. Судя по некоторым пассажирам (в частности, истоки этнологии отнесены к древнегреческим авторам, а ее сложение – к XIX в.), речь шла о том же, что Н.Н. Харузин и ряд других исследователей прежде называли этнографией.

Тем не менее очевидно, что в это время расширился спектр применения слова “теория” и его производных применительно к “этнологии”. К терминам, употребляемым Штернбергом, у П.Ф. Преображенского добавились такие словосочетания, как “теории, отражающие” единство человеческого рода, “Энгельсовская теория” о происхождении классов, “теория анимизма”, “теория Тэйлора”, “Тэйлоровская теория”, “Бастиановская теория”, “теория Фрейда”, “этнологические теории о семье”²⁷. Ясно, что слово “теория” выступало в значении “учение”, хотя иногда прослеживается его синонимичность с термином “гипотеза”²⁸. Заметно противопоставление “теоретического” (справедливость, аспект, принципы) “практическому” (осущест-

ление, представление, приемы)²⁹. “Наиболее важными теоретическими проблемами современной этнологии” Преображенскому представлялись проблемы корреляции элементов культуры и проблемы аккультурации³⁰. Пока еще колониальный “ученый-теоретик, целью которого было изучение быта и жизни этих народов и определение места, которое они занимают в развитии человеческого общества”, не был обвинен в пособничестве колониалистам³¹.

В 1929 г., когда вышла книга Преображенского, состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда, которое способствовало тому, что закончилась недолгая двойственность названия нашей науки и утвердилось долго господствовавшее представление о том, что считать этнографической теорией. В сообщении об этом совещании отмечалась актуализация вопросов теории и методологии для современных советских этнографов и указывалось на «ненужность и неосуществимость притязаний построить какую-то независимую “этнологию” от марксистской социологии»³². “Теперь советские этнографы, убедившись в своей недостаточной теоретической внимательности, – читаем там же, – должны приложить все усилия, чтобы восполнить этот недостаток. Теснейшая связь с историей и социологией служат верной гарантией успеха”³³ (несколько выше шла речь о том, что историки и социологи уже стали на путь “марксистской теоретической мысли”³⁴). В одной из резолюций утверждалось, что «всякие попытки построения “этнологии” – как теоретической науки, ведут к противопоставлению ее марксистской социологии и историческому материализму»³⁵.

Некоторые участники совещания считали, что термины “этнография” и “этнология” идентичны, а “спор о словах” бесполезен; один из докладов назывался “Задачи и методы полевой этнологии”³⁶.

Отмечу еще один из пунктов резолюции по докладам, в которых шла речь о полевой работе: “Для правильной постановки и продуктивности полевой работы необходимо приступить к выработке детальных, марксистски проверенных программ, желательно по этническим группам...”³⁷. В резолюции о журнале “Этнография” один из пунктов гласил: «Поручить редакции “Этнография” обеспечить такое направление журнала, которое бы базировалось на историко-материалистическом подборе и давало бы теоретический отпор всем нематериалистическим построениям в этнографической науке»³⁸.

Если обобщить, что подразумевалось в 1920-е годы под теорией в нашей науке, то это было либо изложение (вплоть до апологии), либо критика зарубежных этнографических школ и идей. Активно обсуждалось также место этнографии в рамках других наук (при этом был замечен дрейф от естественных наук к социологии, а затем к истории), определение ее предмета (содержания) и методов исследования. Что касается призмы анализа собранных материалов, то на ее формировании сказалось то, что в силу специфики общественного развития нашей страны теорией стали считать прежде всего защиту единственно тогда приемлемой модели развития общества и соответствующего ей идеологического оформления. Соответственно, теорией называлась критика зарубежной этнографии – почти всех ее направлений, за некоторым исключением (неоэволюционизм). Кроме того, уже в рамках признания себя марксистами пришлось решать споры о том, кто больший, или истинный, марксист, т.е. марксист-ленинец; скорее всего, с этим был связан и спор о названии науки³⁹.

Показательно, что, несмотря на обилие слов с корнем “теория”, употребленных этнографами того времени, один из свидетелей трансформаций в отечественной науке нашел в себе силы сказать, что “главные достижения советской этнографии за 20 лет не столько теоретические, сколько практические”⁴⁰.

Деятельность этнографов в военное и послевоенное время охарактеризована в статье М.Г. Рабиновича и С.А. Токарева следующим образом: “Работы советских этнографов по изучению культуры, быта и этнического развития народов колониальных стран... столкнули нас с параллельными исследованиями буржуазных зарубежных этнографов и тем самым с иными, чуждыми нам теоретическими построе-

ниями... Потребовалось определить свое к ним отношение. А эти теоретические построения оказались тесно связанными с режимом колониального управления... В связи с этим перед советскими учеными встала задача прямой и принципиальной критики этих теоретических концепций буржуазной науки, идейно и организационно связанных с системой колониализма. Предметом критики стал прежде всего функционализм... Задача критического размежевания с зарубежными этнографическими школами вызвала необходимость критического пересмотра того идейного наследства, которое досталось нам... от наших дореволюционных предшественников”⁴¹. Однако, как можно судить по работам 1920–1930-х годов, подобное размежевание проявилось гораздо раньше.

Некоторые итоги работы отечественных этнографов в конце 1950-х годов были подведены директором Института этнографии АН СССР С.П. Толстовым в докладе для VI Международного конгресса антропологов и этнографов (Париж, 1960 г.). Положение дел в нашей науке ему в то время представлялось так: “В последние годы исследования советских этнографов все более сосредоточиваются на ограниченном круге больших теоретических проблем, работа над которыми сочетается с постановкой широких полевых исследований, подчиненных задаче решения этих проблем”. Как считал директор Института этнографии, этими проблемами, или “основными, ведущими” научными направлениями, были: “1) исследование тех процессов, которые протекают ускоренными темпами в быту и культуре многочисленных народов СССР, в недавнем прошлом стоявших на весьма различных уровнях социально-экономического и культурного развития; 2) исследование национального состава и национальных особенностей культуры и быта населения земного шара; 3) исследование процессов исторического развития народов, в недавнем прошлом не имевших своей письменности и сохранявших многочисленные пережитки ранних этапов истории человечества”⁴². “Важнейшими из теоретических проблем”, связанных со вторым направлением, были объявлены “проблемы классификации народов, происхождения различных национальных групп, формировавшихся на различных этапах исторического развития”.

Несколько аспектов этого доклада обращают на себя внимание в сравнении с более ранними работами – как самого Толстова, так и других критиков зарубежной этнографии. Прежде всего это значительно меньшая, чем прежде, агрессивность по отношению к критикуемым авторам. Далее, если в 1920–1930-е годы марксистская (марксистско-ленинская) теория объявлялась необходимым руководством для решения практических задач, то теперь, судя по словам С.П. Толстова, практические работы проводились для решения теоретических проблем (это “решение” сводилось, как и ранее, к подтверждению правоты классиков).

В середине 1960-х годов в отечественной этнографии наступил, как писали С.И. Вайнштейн и М.В. Крюков, период, “основной характерной чертой” которого “был решительный поворот к разработке теоретических основ этнографической науки, прежде всего теории этноса как ее главного исследовательского объекта”⁴³.

Другим объектом, подлежащим обсуждению, представлявшемуся современникам теоретическим, было доклассовое общество⁴⁴. Прямых рассуждений о том, что такое теория в нашей науке, в названных статьях не было, но по некоторым фразам можно судить, что имелось в виду “осмысление фактического материала”, обсуждение “общих проблем” (в данном случае первобытности), “общие выводы”. Упомянулось и соотношение фактического материала и теоретических положений (“движение мысли” от первого ко вторым)⁴⁵. В рецензии Ю.И. Семенова на книгу М.В. Крюкова “Система родства китайцев” говорилось, что “в ней на китайском материале ставятся и решаются проблемы огромной теоретической важности и среди них прежде всего вопрос об историческом соотношении типов систем родства”⁴⁶.

О том, что понималось под теорией в этнографии в середине 1960-х годов, можно судить по терминам в книге С.А. Токарева об истории русской этнографии⁴⁷. Слово “теория” применено несколько раз в словосочетаниях “теория заимствования”, “тео-

рия коммунального брака”, “анимистическая теория”; крайне редко употреблено слово “теоретик”. Больше слов и выражений с определением “теоретический”: “обобщения этнографического материала” (с. 8), “концепции” (с. 15) “построения”, “уровень” (с. 266), “линия размежевания”, “взгляды” (с. 267, 272), “обоснование этнографической науки” (с. 269), “значительность” (с. 273); “труды” (с. 296); “рост” (появление новых общих концепций) (с. 354), “интерес” (противопоставлен практическому), “направление” (более теоретическое), “осмысление” (с. 410), “уровень исследования” (который повышался) (с. 417) и даже “тон” (с. 272).

Таким образом, использование слова “теоретический” в одних случаях определяло вид рецензируемого или анализируемого С.А. Токаревым текста (обобщение, концепция, построение, взгляды, направление, осмысление), в других – степень теоретичности (уровень, рост), в третьих – эмоциональную оценку (тон).

Очевидно, что С.А. Токарев писал о теории или теоретическом в двух случаях: когда имелись в виду рассуждения, обобщения, обоснования вообще и на определенную тему. Если говорить о подходах, о которых писал В.С. Черняк, то в данной книге у С.А. Токарева, как и у других наших этнографов до него, да и после, речь шла не о языке науки, логической структуре или особых концептуальных средствах, а лишь о систематизированном знании.

Что разумелось под теорией в этнографии в последующее время, можно проследить по публикациям журнала “Советская этнография”. В середине 1960-х годов, при главном редакторе С.П. Толстове, в классификации публикуемых материалов, отраженной в разделах содержания, “теория” не была представлена в каком-либо виде. Тем не менее в статьях речь о ней иногда заходила. После смены главного редактора (в 1966 г. им стала Ю.П. Аверкиева) структура публикуемых материалов несколько изменилась. В публикациях нередко встречались слова “теория”, “теоретический”. В отчете о работе института за 1967 г. “важными теоретическими вопросами” были названы задачи этнографического изучения индустриальных стран, закономерности развития народной культуры, понятие этнической общности, происхождение белорусов, проблемы агроэтнографических исследований, соотношение рода и патронимии⁴⁸. Из редакционного сообщения о 9-м МКАЭН в Чикаго читатель мог узнать, что там функционировала секция “Теоретические перспективы” с подсекциями “Альтернативные теоретические ориентации” и “Современные теории. Методы и приемы исследования”. В сообщении говорилось, что “в этнографических докладах большое место занимают теоретические и методологические проблемы...”, и высказывалось намерение показывать в журнале несостоятельность “антинаучных теорий” “носителей антисоветских, антимарксистских взглядов”⁴⁹. О ежегодных сессиях в ленинградском отделении института можно было узнать, что “пятая и шестая научные сессии прошли на высоком научно-теоретическом уровне”⁵⁰.

В отчете о работе института в 1970 г. отмечалось, что “большое внимание уделяется разработке теоретических проблем этнографической науки”. Среди “важных теоретических проблем”, нашедших отражение на страницах журнала, назывались наследие Ф. Энгельса и антропологическая наука, характер социальных связей в эпоху перехода к классовому обществу, взаимоотношение фольклористики и этнографии и др. Читатель журнала узнал, что на заседаниях Ученого совета Института этнографии вызвали оживленную дискуссию следующие “важные теоретические вопросы”: так называемая исключительность нации США, натурализация и адаптация иммигрантов в Великобритании, проблемы периодизации первобытной истории в современной американской этнографии, состояние этнографической науки в странах Западной Европы⁵¹. Об одной конференции говорилось, что она, “как и предыдущие, прошла успешно, на высоком теоретическом и научном уровне”⁵². В отчете института за 1973 г. стоит почти стандартная фраза: “В отчетном году большое внимание уделялось разработке крупных теоретических проблем этнографической науки”. Среди “важных теоретических проблем”, затронутых в статьях журнала, назывались попытки интерпретации марксизма этнографами Запада, тенденции в измене-

нии культурного облика нации, проблемы историко-этнографического картографирования, обычай как форма социальной регуляции, этнография и география, народные обычаи⁵³. Подобная квалификация институтских работ содержится и в последующих отчетах⁵⁴.

Очевидно, что в указанных случаях выражения “высокий теоретический уровень”, “важные теоретические вопросы (или проблемы)” становились штампом, а термины “теоретические вопросы” и “теоретические проблемы” обесценивались. Тем не менее спектр применения слова “теоретический” в обиходе некоторых отечественных этнографов оставался обширным, хотя и не в такой мере, как у С.А. Токарева: “построения теоретического характера”, “теоретические положения”, “теоретическая мысль”, “теоретические воззрения”, “теоретически мыслимые модели”⁵⁵.

В те годы Ю.И. Семенов подчеркнул необходимость делать различие “между историческим материализмом, с одной стороны, и теориями конкретных общественно-экономических формаций – с другой”, а также “разрабатывать теории докапиталистических формаций” вплоть до “детальной разработки теории каждой докапиталистической формации”⁵⁶. Среди теоретических проблем экономики первобытного общества он называл систему производственных отношений, процесс производства, специфику взаимосвязи социально-экономических и прочих общественных отношений⁵⁷.

В 1981 г. журнал возглавил новый главный редактор – К.В. Чистов. При нем структура журнала не изменилась. В очерке “Этнографическая наука в десятой пятилетке” после ссылки на то, что “особый акцент на XXV съезде КПСС был сделан на развитие фундаментальных, общетеоретических проблем науки”, среди таких проблем в этнографии названы исследования в области теории этноса (“определение его места среди других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этнических общностей, их классификация, этнические особенности культуры и психики, разновидности этнических процессов и т.д.”), определение предмета этнографии, ее соотношение со смежными дисциплинами, специфика этнографического изучения культуры, уточнение понятийного аппарата, типология этнических процессов, хозяйства, материальной и духовной культуры, а также общины⁵⁸.

Опубликованная в журнале “Советская этнография” статья философа Э.С. Маркаряна “Узловые проблемы теории культурной традиции” содержала параграф “К установлению предметных границ теории культурной традиции”⁵⁹. Из откликнувшихся на статью этнографов лишь один ввел в название своего отзыва слово “теория”⁶⁰. В дискуссии прозвучала мысль о том, что этнографы в большинстве своем принадлежат к специалистам, которые “относятся с определенной опаской к абстрактным рассуждениям”⁶¹.

В отчете о работе института за 1980 г. не было обычного для его начала общего абзаца о теоретических работах. Но упоминания об их “важности” или “значимости” относительно конкретных сфер содержались в других местах⁶². В отчете за 1981 г. опять появилась фраза о разработке теоретических проблем этнографической науки, теперь они были названы “актуальными”. Весь абзац был отведен проблемам, поднятым в книге Ю.В. Бромлея, вышедшей в подотчетном году⁶³.

Работам Ю.В. Бромлея у нас отводится особое место в истории развития теории этнографической науки. Так, уже во второй половине 1980-х годов утверждалось: “Большое значение для превращения советской этнографии из науки по преимуществу описательной в теоретическую дисциплину имели труды Ю.В. Бромлея”⁶⁴. Вместе с тем показательно, что у Ю.В. Бромлея в его обобщающей книге “Этнос и этнография” (1973 г.) в предметном указателе нет слов “теория”, “этнографическая теория” и им подобных. Мимоходом упомянуто: “этнология – теоретическая дисциплина”⁶⁵. В аннотации к книге отмечены “недостаточно разработанные аспекты теории этноса”; к ним отнесены отличие этнических от других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этноса, иерархичность этнических общнос-

тей и их типологизация, этнические функции культуры и психики, типы этнических процессов и “и др.” В предисловии “важным теоретическим вопросом” названо “определение предметной области соответствующей науки”⁶⁶.

В 1981 г. выходит книга Ю.В. Бромлея “Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)”. Теоретичность книги была высоко оценена рецензентом. Одной из важных особенностей книги рецензент считал “ее нацеленность на наиболее важные теоретические проблемы”, назвав среди них этнос, этнические процессы и этнографические явления современности⁶⁷. В рецензии можно встретить такие выражения, как “современная этнографическая теория”, “ключевые вопросы этнографической теории”, “теоретическая этнография”, “теоретический интерес”, “синтез теории и практики”. Но ни в книге, ни в рецензии нет размышлений о том, что это такое. Предметный указатель книги также не содержит слов “теория” или “этнографическая теория”. На некоторых страницах речь шла о “теоретических основах” этноса⁶⁸.

В 1982 г. Ю.И. Семенов выступил с докладом о соотношении факта и теории в этнографии. Он считал теорию высшей формой интерпретации фактов, при этом сущность высших форм интерпретации, включая теоретическую, видел в сведении вместе всех фактов, относящихся к определенной сфере знания, и воссоздании из них предмета. “Соединяя факты, теория вместе с этими фактами предлагает картину реальности”⁶⁹. Ю.И. Семенов видел в теории систему идей, которая находит свое выражение в суждениях. Из ранга теории этот исследователь исключил те интерпретации этнографических фактов, в которых фундаментальным считалось понятие культуры, так как последняя, по его мнению, сама есть продукт деятельности неких стабильных исторически развивающихся человеческих обществ. На его взгляд, в этнографии имелись только три теории: первобытного общества, крестьянской общины и этноса и этнических процессов. Он даже назвал их “теоретическими дисциплинами”⁷⁰. В том же году Ю.И. Семенов опубликовал статью “Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества”⁷¹.

Одним из первых отечественных этнографов, который обмолвился о том, что можно считать этнографической теорией и как она образуется, стал К.В. Чистов. По его мнению, “любая общая концепция какой-либо науки прежде всего складывается из определенного числа частных концепций, представляющих собой не что иное как решения или варианты решений важнейших проблем этой науки на современном этапе ее развития. ...теоретическая концепция современной советской этнографии существует и функционирует не только в виде теории на определенном уровне абстракции – она воплотилась в сотнях книг и статей...”⁷².

В 1983 г. выходит книга Ю.В. Бромлея “Очерки теории этноса”. В ней было сказано, что, “поскольку в любой теоретической системе важнейшая роль принадлежит основным понятиям... представляется необходимым, приступая к рассмотрению теории этноса, уделить особое внимание соответствующему понятийно-терминологическому аппарату”⁷³, но и в этом подходящем месте не было прямых размышлений о том, что такое “теория этноса” или этнографическая теория.

В отчете о работе Института за 1983 г. фраза о “разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки” переместилась в четвертый абзац, уступив свою позицию сообщениям об исследовательской и научно-организационной работе и участии в международных встречах. После небольшого резюме книги Ю.В. Бромлея сообщалось, что “теоретические и методологические проблемы, как и ранее, получили отражение в материалах дискуссий на страницах журнала “Советская этнография”, в отдельных статьях, опубликованных в том же журнале и в ежегоднике “Расы и народы”, на методологических семинарах института, в подготавливаемом к печати коллективном труде “Этнография. Основные понятия и термины”⁷⁶.

Упомянутый коллективный труд получил название “Свод этнографических понятий и терминов”. Его статьи активно обсуждались в Институте этнографии. В статье одного из участников дискуссии, Ю.И. Семенова, затрагивалось соотношение терми-

нологии и теории: “Всякая теория предполагает наличие достаточно четко разработанного понятийного аппарата, а тем самым и точных терминов. С другой стороны, только теоретическая разработка той или иной проблемы может сделать возможным уточнение терминологии. Всегда существует теснейшая связь между уровнем теоретической разработки проблемы и точностью используемых терминов”⁷⁷.

В одном из выпусков свода – “Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы” – нет терминов, содержащих сочетание слов “теория” и “этнография” (как и “этнология” и “антропология”). Такое положение дел можно объяснить, вероятно, тем, что, по мнению составителей выпуска, “разработка теории этноса и вопрос о предмете этнографии тесным образом связаны между собой”⁷⁸. В статье “Советская этнографическая школа” утверждалось, что “методологической основой осуществляемых в СССР этнографических исследований является историко-материалистическая теория развития общества”⁷⁹. И этого, похоже, было достаточно, чтобы не задумываться о том, что такое вообще теория в нашей науке. В статье “Теория этноса” последняя определена как “этнографическая субдисциплина, исследовательские задачи которой связаны с выявлением качественной специфики центрального понятия этнографии – этноса”⁸⁰.

В 1987 г. преимущество советской этнографической науки перед “буржуазными аналогами” еще виделось в применении единой концепции для интерпретации изучаемых явлений⁸¹. Но веяния “перестройки” уже коснулись журнала “Советская этнография”, на страницах которого было признано, что “в течение длительного времени межнациональные отношения трактовались упрощенно... В полной мере этот упрек относится к ученым, ответственным за разработку теории национальных отношений, в том числе и к этнографам”⁸².

В той или иной мере проблем теории в этнографии отечественные исследователи касались при анализе различных направлений в зарубежной этнографии. Автору книги об английском функционализме А.А. Никишенкову “логика познавательной деятельности функционалистов” виделась в следующем порядке: “1) формирование теоретической модели социальной антропологии (общества и культуры на максимальном уровне обобщения) и методологических принципов, указывающих, что и как надо изучать в этом объекте; 2) реализация этих общих установок в процессе изучения конкретных обществ; 3) появившиеся в итоге описания и предметно-содержательные теории этих обществ и их отдельных институтов”⁸³. Свои представления о теории автор основывал на мнении о ней отечественных философов, социологов и историков. Различая теорию и метод, А.А. Никишенков рассматривал теорию как “специфическое отражение некоторых свойств объекта изучения, т.е. готовое знание о нем”, а метод как “совокупность приемов получения знания об объекте”⁸⁴.

Рецензент этой книги отметил, что «разность теоретических установок обозначает для нас “непознанное пространство”, где образуется место для дискуссий и где диалектика логики движет нас к постижению более полного знания»⁸⁵. Этот взгляд на продуктивность разных теоретических подходов приобрел еще больший вес под категоричным пером директора института В.А. Тишкова: “Самый ненаучный подход к науке и политике тот, который исключает разнообразие и альтернативность мнений...”⁸⁶.

К размышлениям о теоретических работах В.А. Тишков вернулся в докладе, посвященном итогам работы института в 1989 г. и задачам научно-исследовательской деятельности на 1990 г. Определив, что “главный путь получения нового знания” лежит “в разработке теории наряду с накоплением эмпирического материала”, и отметив, что “в институте теоретическим разработкам всегда уделялось приоритетное внимание”, он высказал свойственную тому времени критическую оценку: “довольно часто теоретические поиски канализировались схоластическими понятийно-терминологическими дискуссиями, слабо основанными на первичном материале, но зато связанными с официальными постулатами государственно-правовой практики и национальной политики в нашем государстве”⁸⁷. Возможность очередного теорети-

ческого "прорыва" В.А. Тишкову виделась в то время "на путях преодоления позитивистского мышления и упрощающей сути вещей теории отражения, свойственных марксистско-ленинскому обществознанию". Он полагал, что этому может способствовать "введение в теоретический арсенал лучших достижений новейшей западной философской антропологии". В.А. Тишков заговорил о том, что «важно понять не только что мы познаем, но и то, как мы познаем, как рождается знание в мире нашей дисциплины. Нам нужна этнография этнологической теории, т.е. анализ самого "ритуала" этнографического исследования». По его мнению "в теоретической работе было бы полезно отказаться не только от единой методологии, но и от ритуального поклонения одной дисциплинарной метатеории, имеющей тенденцию к мумификации и застою без постоянных внешних вызовов"⁸⁸.

Вместе с тем в отчете о работе института в том же номере журнала "Советская этнография" встречается традиционная фраза: "Как и в прошлые годы, большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки"⁸⁹.

В 1991 г. Институт этнографии был переименован в Институт этнологии и антропологии. Со следующего года журнал "Советская этнография" стал "Этнографическим обозрением". В обращении к читателям новый главный редактор заявил: "Науку в конечном счете двигают вперед идеи и концепции, и было бы непрестительным расточительством относиться с пренебрежением к тому, что сделано советскими учеными в области этнологической теории за последние десятилетия, хотя многое тут нуждается в решительном очищении от догматических плевел"⁹⁰. В журнале появился раздел "Вопросы теории", который со временем стал открывать журнал. В 1992 г. в нем была помещена статья английского антрополога Э. Геллнера с высокой оценкой теоретической деятельности Ю.И. Семенова⁹¹.

Одна из статей В.А. Тишкова вызвала у некоторых коллег потребность сказать, что они понимают под теорией в этнографии. Вот что по этому поводу написал В.Н. Басилов: "Теоретическое богатство этнографии состоит в комментариях к конкретным явлениям, общие же закономерности, вытекающие из всего богатства разнообразных культур народов мира, в большинстве своем укладываются в рамки концепций, которые принадлежат всей исторической науке в целом. Теоретический труд в этнографии – это прежде всего рассмотрение фактического материала"⁹². Пожалуй, первый раз в отечественной этнографии так ясно было сказано от первого лица, что такое теория в этнографии. По мнению другого участника дискуссии, "под теорией у нас, как правило, понимались не столько выявление и изучение каких-либо закономерностей или причинно-следственных связей, не столько объяснение процессов, сколько создание классификаций, терминологические изыскания и сводки данных, преподнесенные нередко в эволюционистской упаковке..."⁹³.

Состояние отечественной этнографии на рубеже 1980–1990-х годов было рассмотрено С.В. Соколовским. По его мнению, "тезис *несоизмеримости* научных теорий и парадигм, оказавшись перенесенным из науковедения в критику методологии таких дисциплин, как этнология и археология... разрушил возможность существования этих наук на основе прежних методов". Соколовский указал также на "конфликт между существующей практикой сравнения культур и ее теоретической невозможностью или несостоятельностью для всякого исследователя, принимающего новую парадигму"⁹⁴.

В статье Ю.И. Семенова "Этнология и гносеология", опубликованной в 1993 г., есть рассуждения о теории вообще, но нет суждений о теории в этнографии⁹⁵.

В 1995 г. в предисловии редколлегии журнала "Этнографическое обозрение" к публикации введения американского антрополога Р. Борофски к изданному в США в 1994 г. труду об актуальных проблемах культурной антропологии подчеркивалось, что "наука нуждается в периодической ревизии своих исследовательских подходов, теоретических построений, результатов деятельности. Именно такой период переживает сегодня отечественная этнология"⁹⁶. Во втором номере журнала за 1996 г.

вместо раздела “Вопросы теории и методологии” появился раздел “Проблемы теории и методологии”, что, видимо, должно было отражать намерение придать большую солидность обсуждаемым в журнале темам. Правда, через некоторое время “Проблемы” опять сменились “Вопросами”, что, скорее всего, свидетельствовало о более скромной оценке редакцией потенциала авторов.

В 1996 г. журнал опубликовал интервью с отечественными этнографами о судьбах этнографической науки, в котором были затронуты и вопросы, имеющие отношение к теме данной статьи. В частности, у С.В. Соколовского можно найти идею о том, что “мысли о целом – это теория”. Кроме того, на его взгляд, “какого-то перетекания теоретического знания к полевикам и обратно не происходит”⁹⁷. И в последующих номерах журнала в рубрике “Вопросы теории” регулярно печатались статьи на разные темы. Так, в одной из них звучал призыв “обратить особое внимание на теоретическую составляющую этнографического знания” и констатировалось наличие “острой потребности в серьезной этнологической теории”⁹⁸, но без рассуждения о том, что это такое.

Раздел “Вопросы теории” имелся и в институтском ежегоднике “Расы и народы”. Начиная с первого выпуска (1971 г.) в нем публиковались статьи на самые разнообразные темы – от характеристики понятия “этнос” до рассуждений К. Маркса о колониализме и многое другое; о самой же теории ничего не говорилось.

В последнее время более широко стали известны работы зарубежных коллег и более свободно начали обсуждаться проблемы этнографической науки⁹⁹. Но, насколько я себе представляю, вопрос о том, что такое теория в нашей нынешней науке, все еще не ставился.

Приведу немногочисленные высказывания исследователей-этнографов о том, что такое теория. Теория – высшая форма интерпретации фактов, воссоздание из них предмета (Ю.И. Семенов, 1982), сумма частных решений важнейших проблем науки (К.В. Чистов, 1983). Сходная мысль в несколько иной форме была высказана другим исследователем, который различал теоретическую модель социальной антропологии и предметно-содержательные теории отдельных обществ и институтов (Е.А. Веселкин, 1988). Теория рассматривалась также как “специфическое отражение некоторых свойств объекта изучения, т.е. готовое знание о нем” (А.А. Никишенков, 1986). Теория представлялась как рассмотрение фактического материала (В.Н. Басилов, 1992), интерпретация общих фактов (Ю.И. Семенов, 1993) или как мысли о целом (С.В. Соколовский, 1996). Согласно еще одной точке зрения, теория должна представлять собой выявление и изучение закономерностей или причинно-следственных связей, объяснение процессов (В.А. Шнирельман, 1992). Таким образом, спектр мнений о теории идет от “рассмотрения фактов” до “мыслей о целом”. Намечается и некоторая хронологическая динамика: от “решения проблем” (1983) и “отражения свойств объекта исследования” (1986) до “мыслей о целом” (1996).

Из сказанного выше о теории в отечественной этнографии можно сделать несколько выводов.

Прежде всего мнение о теории как существенной части нашей науки присутствовало у этнографов в разной мере постоянно с конца XIX в., хотя о том, что это такое, исследователи задумывались редко. Определенный пиетет (иногда формальный) перед теорией в этнографической науке стал проследиваться с начала 1970-х годов, тогда же появились и некоторые размышления о том, что это такое, ограниченные главным образом теорией этноса. Со второй половины 1980-х годов наметился отход от того, чтобы считать единственно правильным лишь одно теоретическое объяснение действительности.

Очевидно, что слово “теория” в рамках нашей науки использовалось в разных значениях. Так, в случае одного из наиболее часто встречающихся в 1970–1980-е годы выражений “теория этноса” ясно, что речь шла о теории определенного явления, которое в то время представлялось важным для нашей науки. Того же свойства термины “теория культурной традиции”, “теория культуры”, “теория хозяйства”, “тео-

рия этнического самосознания” и др. Здесь слово “теория” означает скорее способ осмысления определенного явления, а именно рассуждение, уточнение, классификация и пр., т.е. едва ли как некая “высшая, самая развитая форма организации научного мышления”, по классификации философа (см. выше).

“Теория Моргана”, как и “теория Стюарда”¹⁰⁰ и т.п. – это идеи одного человека относительно целого комплекса явлений (управление, семья, собственность). Нередко термин “теория” употреблялся в значении, близком терминам “этнографическое направление”, или “школа” (“эволюционистские теории культур”, “теория анимизма”, “теория культурных кругов” и др.)¹⁰¹.

“Современная этнографическая теория”, как и “теория зарубежной этнографии” и т.п. – это, вероятно, еще более высокая ступень общего знания, предположительно признанная рядом ученых.

Таким образом, термин “теория” в работах отечественных этнографов использовался преимущественно в двух значениях: как некое обобщенное знание в какой-то области этнографии или, реже, о самой этнографии, и как один из способов этнографического осмысления (познания) действительности наравне с такими, как гипотеза, концепция и др.

Очень разнообразным оказался спектр применения прилагательного “теоретический” в этнографическом лексиконе. В нем можно приближенно выделить такие аспекты: способ осмысления объекта исследования (“анализ”, “концепции”, “модели”, “обобщения”, “обоснование”, “положения”, “построения”); формы осмысления (“мысль”, “воззрения”, “проблемы”, “направления”); его объем (“вопрос”, “основы этнографической науки”); оценка осмысления, как правило, высокая (“важность”, “богатство”, “достижения”, “интерес”, “уровень”, “характер”); конечная форма (“статьи”, “труд”, “решения”, “знание”); а еще “задачи”, “план”, “поиски”, “установки” и др.

В некоторых случаях определение “теоретический” усиливалось другими: “актуальный”, “фундаментальный”, “высокий”. Иногда теоретическое уравнивалось с идеологическим и постоянно противопоставлялось практическому, “фактологическому”, прикладному, описательному, а также второстепенному.

Вероятно, значения применения слова “теоретический” относительно нашей науки в 1960–1990-е годы можно определить как главным образом процессуальное, содержательное и аксиологическое.

Итак, можно, пожалуй, утверждать, что, несмотря на практиковавшееся в отечественной этнографической среде выделение из этнографической продукции теоретических работ и нередкое использование терминов “теория” и “теоретический”, размышления о сути теории в этнографии занимали у этнографов мало места; соответствующие формальные понятия не были в достаточной мере осмыслены.

Настолько привычно теория не считалась одной из задач нашей науки, что даже в учебниках, носящих название “Этнология”, теория не перечислена среди предметных областей этой дисциплины (не парадокс ли?). Одним из первых таких учебников явилась книга, изданная в МГУ и пришедшая на смену “Основам этнографии” (1968) и “Этнографии” (1982). Среди перечня того, что “в действительности этнология изучает”, нет теории¹⁰². В интересном во всех отношениях учебнике С.В. Лурье “Историческая этнология” среди обширного списка того, что исследует этнология (всего 24 пункта) и что названо “проблемным полем этнологии”, опять же нет пункта (или пунктов), относящегося к рефлексии о самой науке¹⁰³. При этом этнология названа наукой, генерирующей объяснительные модели и теории для других наук. “Этнография как таковая в большей мере описательная наука, и этнология является ее теорией”¹⁰⁴. Еще в одном учебнике “в предметном поле исторической этнологии” также не нашлось абзаца о теории в этой науке¹⁰⁵.

Примечания

- ¹ Марков Г.Е. О бедной науке замолвим слово... // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 5. С. 5.
- ² Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // Там же. С. 8, 9.
- ³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 792.
- ⁴ Теория // Философский словарь. М., 1991. С. 452–453.
- ⁵ Швырев В.С. Теория // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 42.
- ⁶ Черняк В.С. История, логика, наука. М., 1986. С. 251. Можно назвать несколько более поздних отечественных работ о научной теории: Воронцов В.П., Москаленко А.Т., Шубина М.П. Психологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск, 1990; Пископнель А.А. Научная концепция: структура, генезис. М., 1999; Степин В.С. Теоретическое знание: структура, история, эволюция. М., 2000.
- ⁷ Черняк В.С. Указ. соч., С. 128–129.
- ⁸ Ракишов А.И. Историческое познание. М., 1982. С. 129, 131.
- ⁹ Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей 1996. М., 1996. С. 12.
- ¹⁰ Бромлей Ю.В., Токарев С.А. Этнография / Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М., 1988. С. 35 (сер. “Свод этнографич. понятий и терминов”); сходно в: Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 270–271.
- ¹¹ Марков Г.Е. Указ. соч. С. 3.
- ¹² Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // ЭО. 1994. № 1. С. 108–109.
- ¹³ Там же. 109, 115, 116.
- ¹⁴ Мильчевский О. Основания науки антропоэтнологии или законы отношений между человеком и природою. М., 1868. С. V; сходно на С. XIV.
- ¹⁵ Штернберг Л. Этнография // Энцикл. словарь Брокгауз и Ефрон. Т. XLI. СПб., 1904. С. 180–181. О том, что издатели были согласны со Штернбергом, говорит тот факт, что об “Этнологии” предлагалось читать в статье “Этнография”.
- ¹⁶ Харузин Н. Этнография. Лекции, читанные в императорском московском университете. Вып. 1. СПб., 1901. С. 27.
- ¹⁷ Там же. С. 4–5.
- ¹⁸ Там же. С. 62; То же. Вып. 2. СПб., 1903. С. 4, 14, 17.
- ¹⁹ Мозиланский Н. Этнография и ее задачи // Ежегодник Рус. Антрополог. об-ва при имп. С.-Петербургском ун-те. Т. III. СПб., 1909. С. 101, 102.
- ²⁰ Максимов А.Н. Современное положение этнографии и ее успехи // ЭО. 1909. № 4. С. 10.
- ²¹ Там же. С. 23–24.
- ²² Журнал заседания Отделения этнографии ИРГО 4 марта 1916 г. // Отд. отд. из “Известий Императорского Русского Географического общества”. Т. LII. С. 1–11.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ Марков Г.Е. Указ. соч. С. 3.
- ²⁵ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Советская этнографическая школа // Этнография и смежные дисциплины ... С. 116.
- ²⁶ Штернберг Л.Я. Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы // Этнография. 1926. № 1 / 2. С. 42, 43.
- ²⁷ Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М.; Л., 1929. С. 9, 12, 15–17, 21, 111, 113.
- ²⁸ Там же. С. 14–16.
- ²⁹ Там же. С. 12, 21, 29.
- ³⁰ Там же. С. 28.
- ³¹ Там же. С. 7.
- ³² Я.К., Н.М. [Кошкин Я., Маторин Н.]. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5 апреля – 11 апреля 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 111.
- ³³ Там же. С. 114.
- ³⁴ Там же. С. 113.
- ³⁵ Резолюция по докладам П.Ф. Преображенского и В.Б. Аптекаря // Там же. С. 117.
- ³⁶ Я.К., Н.М. Указ. соч. С. 118; Тезисы доклада Б.А. Куфтина см.: Там же. С. 125.
- ³⁷ Резолюция по докладам В.Г. Богоразы и Б.А. Куфтина // Там же. С. 131.
- ³⁸ Резолюция о журнале “Этнография”. (По сообщению Б.М. Соколова) // Там же. С. 143.
- ³⁹ Помимо материалов цитированного выше совещания см., напр.: Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Сов. этнография (далее – СЭ). 1947. № 4. С. 8–28. Ср.: Соловей Т.Д. От “буржуазной” этнологии к “советской” этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.
- ⁴⁰ Зеленин Д.К. Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции // Советская этнография: Сб. статей. 1938. № 1. С. 50.
- ⁴¹ Рабинович М.Г., Токарев С.А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // СЭ. 1975. № 4. С. 15.
- ⁴² Толстов С.П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // СЭ. 1960. № 6. С. 13, 14.

- ⁴³ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Указ. соч. С. 121.
- ⁴⁴ Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М.В. Крюкова “О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации”) // СЭ. 1968. № 4; *Он же*. Проблемы перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа) // СЭ. 1970. № 5.
- ⁴⁵ Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах... С. 75, 79.
- ⁴⁶ Семенов Ю.И. Рец.: М.В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972 // СЭ. 1973. № 2. С. 165.
- ⁴⁷ Токарев С.А. Указ. соч.
- ⁴⁸ Кацуба М.С. Работа Института этнографии АН СССР в 1967 году // СЭ. 1968. № 4. С. 135.
- ⁴⁹ К IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук // СЭ. 1973. № 2. С. 6–8.
- ⁵⁰ Там же. 1973. № 2. С. 153.
- ⁵¹ Басилов В.Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1972 году // Там же. 1973. № 3. С. 157, 160, 165.
- ⁵² Там же. 1971. № 3. С. 133.
- ⁵³ Басилов В.Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1972 году // Там же. 1974. № 4. С. 145, 150.
- ⁵⁴ См.: СЭ. 1977. № 5. С. 129, 132; СЭ. 1978. № 4. С. 148, 152; СЭ. 1979. № 4. С. 151; СЭ. 1980. № 3. С. 120, 125.
- ⁵⁵ Членов М.А. Еще раз об “австралийской контроверзе” и методике ее рассмотрения // СЭ. 1974. № 6. С. 51–57.
- ⁵⁶ Семенов Ю.И. Марксизм и первобытность (о книге Э. Террея “Марксизм и примитивные общества”) // СЭ. 1975. № 4. С. 155.
- ⁵⁷ Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества // СЭ. 1978. № 4.
- ⁵⁸ Бромлей Ю.В., Тер-Саркисянц А.Е. Этнографическая наука в десятой пятилетке // СЭ. 1981. № 2. С. 3–4.
- ⁵⁹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78, 80.
- ⁶⁰ Перишиц А.И. Проблемы теории традиции глазами этнографа // СЭ. 1981. № 3. С. 45–46.
- ⁶¹ Крупник И.И. Традиция и “управление” динамикой культуры // СЭ. 1981. № 3. С. 51.
- ⁶² Тер-Саркисянц А.Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1980 году // СЭ. 1981. № 3. С. 131, 132.
- ⁶³ Кузьмина Л.П., Тер-Саркисянц А.Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1981 году // СЭ. 1982. № 3. С. 147.
- ⁶⁴ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Указ. соч. С. 122.
- ⁶⁵ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 21.
- ⁶⁶ Там же. С. 7.
- ⁶⁷ Марков Г.Е. Рец.: Ю.В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981 // СЭ. 1981. № 4. С. 174.
- ⁶⁸ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 5 и др.
- ⁶⁹ Setuonov Yu.I. Facts and Theory in Ethnography // Problems of the European Ethnography and Folklore: Summaries of the Congress Participants. М., 1982. P. 202, 203.
- ⁷⁰ Ibid. P. 203–204.
- ⁷¹ Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 2. С. 48–59.
- ⁷² Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80 гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // СЭ. 1983. № 3. С. 7.
- ⁷³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 7.
- ⁷⁴ Обсуждение книги Ю.В. Бромлея “Очерки теории этноса” (М.: Наука, 1983. 412 с.) // СЭ. 1984. № 4. С. 146.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Тер-Саркисянц А.Е. Работа Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1983 году // СЭ. 1984. № 3. С. 144.
- ⁷⁷ Семенов Ю.И. Терминология и теория // СЭ. 1983. № 5. С. 81.
- ⁷⁸ Зельнов И., Крюков М.В. Введение // Этнография и смежные дисциплины... С. 9.
- ⁷⁹ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Указ. соч. С. 114.
- ⁸⁰ Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. М., 1988. С. 41.
- ⁸¹ Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ. 1987. № 3. С. 59.
- ⁸² Советская этнография в условиях перестройки // СЭ. 1987. № 4. С. 5–6.
- ⁸³ Никишенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986. С. 49.
- ⁸⁴ Там же. С. 50.
- ⁸⁵ Веселкин Е.А. Люди в науке (по поводу книги А.А. Никишенкова “Из истории английской этнографии. Критика функционализма”) // СЭ. 1988. № 6. С. 173.
- ⁸⁶ Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5. С. 4.

- ⁸⁷ *Тишков В.А.* Доклад на Ученом совете Института этнографии АН СССР об итогах и перспективах работы института // СЭ. 1990. № 3. С. 143.
- ⁸⁸ Там же. С. 143–144.
- ⁸⁹ *Мартынова М.Ю.* Работа Института этнографии АН СССР в 1989 году // СЭ. 1990. № 3. С. 148.
- ⁹⁰ *Крюков М.В.* Читателям журнала // ЭО. 1992. № 1. С. 4.
- ⁹¹ *Геллер Э.* Марксистская Книга Бытия // ЭО. 1992. № 2. С. 39.
- ⁹² *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее // ЭО. 1992. № 4. С. 13.
- ⁹³ *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 13.
- ⁹⁴ *Соколовский С.В.* Этнографические исследования: идеал и действительность (Окончание) // ЭО. 1993. № 3. С. 5.
- ⁹⁵ *Семенов Ю.И.* Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6.
- ⁹⁶ См.: *Борофски Р.* Введение к книге “Осмысливая культурную антропологию” // ЭО. 1995. № 1. С. 3.
- ⁹⁷ *Размышления о судьбах науки* // ЭО. 1996. № 5. С. 9.
- ⁹⁸ *Рыбаков С.Е.* Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // ЭО. 2001. № 1. С. 4.
- ⁹⁹ См., напр.: *Пископтель А.А., Щедровицкий Л.П.* Слова, слова, слова // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994; *Рокитянский В.Р.* Чего ждать от постмодернистской этнографии // Там же; *Соколовский С.В.* Этническое насилие: структуры теоретического дискурса // Там же; *Щедровицкий Л.П., Пископтель А.А.* Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 1) // Там же; *Щедровицкий Л.П.* Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 2) // Этнометодология. Вып. 2. М., 1995.
- ¹⁰⁰ *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. 2-е изд. Л., 1991. С. 145.
- ¹⁰¹ *Белик А.А.* Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998.
- ¹⁰² *Этнология* / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994. С. 9.
- ¹⁰³ *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 8–9.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁰⁵ *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 7–23.

E.G. Alexandrenko. What Is a Theory in Russian Ethnography?

The author questions the usage of the term “theory” in Russian ethnography. He argues that, despite the habitual practice of dividing ethnographic works into theoretical and non-theoretical, there has been little reflection on what constitutes theory as such in our science. Tracing the usage of concepts “theory” and “theoretical” over the course of the last century in Russian ethnography and American anthropology, the author poses a variety of critical questions and calls for a more thorough discussion of the issue.